

Виктор ПЛЕШАК: «Купца Калашникова»

Я написал за два месяца, работая по 20 часов в сутки

СЕГОДНЯ, 5 НОЯБРЯ, В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ ФИЛАРМОНИИ — МИРОВАЯ ПРЕМЬЕРА ОРАТОРИИ «ПЕСНЬ О КУПЦЕ КАЛАШНИКОВЕ»

Известный петербургский композитор Виктор Пleshак, автор прославленных хитов «Экипаж — одна семья» и «Ешь мы же с тобой ленинградцы...», с юности мечтал создать музыкальное произведение на текст поэмы Лермонтова о купце Калашникове. К 200-летию юбилею великого русского поэта эта мечта наконец сбылась: в Большом зале Филармонии состоится мировая премьера оратории Виктора Пleshака «Песнь о купце Калашникове» для чтеца, сопрано, тенора, баритона, баса и народных инструментов в исполнении Андреевского оркестра и солистов Мариинки и Михайловского театра.

Накануне премьеры Виктор Пleshак ответил на вопросы корреспондента «П» Вячеслава КОЧНО А.

Я НАЧАЛ СЛУШАТЬ МУЗЫКУ С ПЕЛЕНОК

— Скажите, когда вы принимали решение стать композитором, неужели вам не казалось, что вся музыка уже написана?

— Дело в том, что у меня просто не было выбора! Моя мама была профессиональная артистка хора, а я родился в послевоенное время, когда не было детских садов. Чтобы не терять работу, маме пришлось ходить на репетиции вместе со мной, когда я был буквально еще в пеленках. На репетициях мама укладывала меня на рояль и я никогда не плакал, а терпеливо ждал и очень внимательно слушал. Подружки мамы, которые тоже пели в хоре, умиляясь моему любопытству, говорили маме: «Наверняка твой сын станет композитором, так внимательно слушает». И, как видите, их предсказание сбылось.

— А если бы вы не стали композитором, то кем бы хотели быть?

— Я бы в любом случае стал композитором, потому что музыка — это мой язык. Это то, что идет изнутри. У спортсмена язык — это его тело, у певца — голос, а для меня язык — это ноты. Могу себя выразить только сочиняя музыку. Однако в детстве, читая Чехова, я очень хотел стать писателем. И успел частичку себя посвятить литературе — написал книгу «Моя веселая профессия», 192 невиданные истории из жизни петербургского композитора. Эта книга имела успех, тираж разошелся очень быстро, и у меня сейчас — и то случайно — остался только один экземпляр, который на самом деле должен был принадлежать моему знакомому —

Алексею Юрьевичу. Книга осталась у меня, поскольку было неверно написано посвящение (Алексею Анатольевичу) и он с такой подписью ее не принял.

— Скажите, есть ли музыка и композиторы, которых вы на дух не переносите?

— Ту музыку, которая мне не нравится, я просто стараюсь не слушать. Я довольно-таки жаден до новых впечатлений, поэтому приемлю любую музыку, например авангардную.

КОГДА ГОВОРЯТ, ЧТО ПЕРВЫЕ МЮЗИКЛЫ СТАВИЛ МАРК ЗАХАРОВ, Я НАПОМИНАЮ, ЧТО СНАЧАЛА БЫЛ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВ

— Неужели автор песни «Экипаж — одна семья» слушает атональную музыку, опусы Шёнберга?

— Когда я в Консерватории впервые услышал музыку нововенских композиторов, мне больше всех понравился Антон Веберн. Я в его музыке услышал что-то моцартианское. У него очень легкий стиль — коротко, прозрачно, убедительно. Вспомнив о Консерватории, хочу сказать, что вообще получил уникальное образование. Сначала учился в хоровом училище при Капелле — старейшем учебном заведении России, которое вышло из хора царских певчих Иоанна Грозного. Затем учился хоровому дирижированию в Консерватории у легендарной Елизаветы Кудрявцевой. По композиции учился у Пушкина, классика киномузыки 30 — 40-х го-

дов, автора знаменитой «Лейся, песня, на просторе». Заканчивал у крупнейшего композитора XX века, любимого ученика Шостаковича — Бориса Ивановича Тищенко. Дальше: моей аспирантурой было то, что во времена расцвета Театра им. Ленсовета, в 70-е годы, я был его музыкальным руководителем. Когда говорят, что первые советские мюзиклы ставил Марк Захаров, я напоминаю, что сначала был Игорь Владимиров, который делал потрясающие музыкальные спектакли. Нашим «придворным» композитором был не больше и не меньше как сам Геннадий Гладков.

— А вы считали, сколько сами с молодых лет и по сей день написали музыки?

— Есть такая книга — «Мир в цифрах», в которой приведен подсчет часов музыки, которую написал тот или иной композитор. Так вот среди них чуть ли не первое место занимает Гайдн: он написал около 320 часов музыки. Я могу похвастаться тем, что у меня уже больше 120 часов, а у Чайковского только 89. Знаете, почему так получается? Потому что таким композиторам, как Бах, Гайдн, часто приходилось писать на заказ, потому что им, как и мне, не так много платили за единицу продукции. А я зарабатываю только и исключительно сочинением музыки. Как-то в начале 90-х ради заработка мне пришлось за год сочинить восемь мюзиклов...

ОДНАЖДЫ Я ВЫИГРАЛ ТЕНДЕР У САМОГО БЕТХОВЕНА

— Случалась ли такая ситуация, когда вам надо писать музыку, а вдохновение не приходит?

— Ко мне сразу приходит вдохновение, как только я заключаю договор и получаю аванс. Также очень вдохновляет осознание факта, что скоро премьера. Срочные заказы — самое мое любимое дело. «Купца Калашникова» я написал за два месяца, потому что знал, что скоро премьера. Работал по 20 часов в сутки.

— Я слышал, что музыку к «Купцу Калашникову» вы хотели написать чуть ли не с самого детства...

— Да, идея возникла 50 лет назад. Я даже поклялся, что не буду считать себя

композитором, если не напишу эту музыку. На меня огромное впечатление произвело это произведение, и я писал музыку к нему с особым наслаждением.

— Шопен в свое время сказал, что все его творчество можно назвать одним словом — «жаль». У вас есть такое слово, которое могло бы выразить суть всего, что вы написали?

— Наверное, не слово, а фраза: «Давайте жить дружно!».

— Это как у Бетховена в «Оде к Радости» — «обнимитесь, миллионы»?

— Наверное. У меня в жизни есть не-

— Ко мне сразу приходит вдохновение, как только я заключаю договор и получаю аванс. Также очень вдохновляет осознание факта, что скоро премьера. Срочные заказы — самое мое любимое дело.

сколько личных побед, одна из которых даже и над Бетховеном. Еще в советское время для германо-советского телемоста необходимо было найти какое-нибудь хоровое сочинение для тысячного немецкого хора и тысячного нашего, чтобы спели вместе. Немцы предложили взять «Оду к Радости» из 9-й симфонии Бетховена, но наши отказались, потому что тяжело было набрать тысячу человек, которые бы смогли спеть Бетховена хорошо. И тогда нашли меня, потому что кто-то слышал мою песню «Города, города», ее аранжировали, перевели на немецкий, исполнили. Мне потом сказали: «Ты выиграл тендер у самого Бетховена!» А на открытии комплекса фонтанов на площади у станции метро «Московская» мой «Канкан» предпочли знаменитому «Канкану» Оффенбаха. Люди плясали под него и купались в фонтане, и я плясал вместе с ними...

Фото предоставлено организаторами премьеры